

Ковалева Дарья Николаевна

кандидат исторических наук,
доцент Саратовского государственного
технического университета имени Гагарина Ю.А.

ИСТОРИЯ ДРУЖБЫ И ВРАЖДЫ: Н.П. КАРАБЧЕВСКИЙ И Л.В. СОБИНОВ

Аннотация:

История человеческих взаимоотношений всегда представляет собой интересный материал для исследователей. Николай Платонович Карабчевский – известный адвокат и оратор, любитель искусства, который и сам пробовал себя в театральном и литературном искусстве. Леонид Витальевич Собинов – певец с мировым именем. Каждый из них интересен и уникален в силу своего таланта. История дружбы и вражды великого певца и знаменитого адвоката интересна и уникальна, так как не просто являет собой пример изменяющихся человеческих отношений, но и показывает, как исторические события влияют на судьбы отдельно взятых людей.

Ключевые слова:

Н.П. Карабчевский, Л.В. Собинов, адвокатура, частный артистический салон, Русско-японская война, Революция 1917 г.

Kovalyova Darya Nikolayevna

PhD in History,
Assistant Professor,
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov

THE HISTORY OF FRIENDSHIP AND ENMITY: N.P. KARABCHEVSKY AND L.V. SOBINOV

Summary:

The history of human relationships has always been of some interest for researchers. Nikolay Platonovich Karabchevsky was a famous lawyer and public speaker, an art amateur, who tried to play on stage and write stories. Leonid Vitalevich Sobinov was a singer of worldwide reputation. Both of them are interesting and unique characters due to their talent. The story of the friendship and enmity of the great singer and the famous lawyer is interesting and unique, as it represents not only an example of the changing human relationships, but also shows how historical events affect the destiny of people.

Keywords:

N.P. Karabchevsky, L.V. Sobinov, advocacy, private artistic salon, Russo-Japanese War, October Revolution of 1917.

Историю пишут люди, которые рассматривают различные исторические события, факты, причинно-следственные связи произошедшего. С этой точки зрения всегда интересны взаимоотношения людей, так как через «маленькие», личные истории можно лучше понять события, происходившие в масштабе всей страны и даже мира. История дружбы и вражды великого певца и знаменитого адвоката интересна и уникальна, так как не просто представляет собой пример эволюции человеческих отношений, но и показывает, как исторические события влияют на судьбы отдельно взятых людей.

Николай Платонович Карабчевский, один из самых известных адвокатов в Российской империи, был очень разносторонним человеком. Это был адвокат, который брался за самые разные дела, и при этом ему удавалось выигрывать почти все процессы. Николай Платонович мог с полной уверенностью сказать, и он этим очень гордился, что никто из его подзащитных не был лишен жизни по приговору суда. Ему, действительно, было чем гордиться, так как именно он защищал Ольгу Палем (девушка убила своего возлюбленного в состоянии аффекта – «сильного душевного волнения»); братьев Скитских (братья Петр и Степан Скитские были обвинены в убийстве собственного начальника. Дело рассматривалось трижды. И только на последнем судебном разбирательстве Н.П. Карабчевский сумел добиться следственного эксперимента на месте преступления. В результате проведенного доследования картина преступления была поставлена под сомнение, кроме того, не нашли подтверждения показания некоторых свидетелей); Григория Гершуни (дело о Боевой организации партии социалистов-революционеров); Егора Созонова (громкое дело об убийстве министра внутренних дел Вячеслава Константиновича Плеве).

Удивительная душевная энергия и духовное богатство Н.П. Карабчевского не позволили ему «замкнуться» исключительно в профессиональной сфере. Он нуждался в более широкой аудитории, чем даже самый вместительный зал судебных разбирательств, и поэтому был не только адвокатом, но и писателем-художником [1, с. 73], театралом и меломаном.

Широкие связи в мире искусства, любовь к литературе и театру, а также материальное благосостояние позволили знаменитому адвокату создать «домашний» артистический салон. В гостях у Николая Платоновича Карабчевского бывали самые знаменитые представители различных творческих профессий. Для сословия присяжных поверенных, очевидно, обширные связи с выдающимися представителями мира искусства не были редкостью: Дмитрий Васильевич Стасов ежене-

дельно, по четвергам, устраивал музыкальные вечера с участием А.Г. Рубинштейна, М.А. Балакирева, А.П. Бородина, М.П. Мусоргского; Федор Никифорович Плевако с завидной регулярностью проводил обеды и концерты, на которых присутствовали М.Н. Ермолова, В.И. Суриков, Ф.И. Шаляпин, М.А. Врубель, К.С. Станиславский, К.А. Коровин; Владимир Иванович Танеев каждый месяц приглашал знаменитых гостей отобедать в известный московский ресторан «Эрмитаж».

В доме Н.П. Карабчевского, улица Знаменская, 45, устраивались театрализованные представления, балы, благотворительные вечера с участием выдающихся актеров, певцов, музыкантов. В числе гостей были также видные общественные и государственные деятели. Николаю Платоновичу в подготовке мероприятий неизменно помогала его вторая жена Ольга Константиновна Варгунина. «Семейный» салон Карабчевского-Варгуниной снискал славу «наиболее популярного в Петербурге “артистического салона”» [2, л. 93].

Н.П. Карабчевский был лично знаком с В.Ф. Комиссаржевской, М.Г. Савиной, А.П. Чеховым, О.Л. Книппер-Чеховой, В.Г. Короленко, М.Ф. Кшесинской и др.

Николай Платонович состоял в самых дружественных, теплых взаимоотношениях с Леонидом Витальевичем Собиновым, по воспоминаниям современников даже ласково называл его «Ленечкой» [3, т. 2, с. 175], «милый, дорогой Леонид Витальевич» [4, л. 1]. В Музыкальном отделе Российской государственной библиотеки находится романс с посвящением – «Любимому певцу Л.В. Собинову», автором слов указан Н.П. Карабчевский, а музыка написана неким Д.В. Сиротинным [5]:

«Я снился сам себе красавцем молодым.
Вернулись для счастья годы;
Свободен и могуч, тобой одной любим,
И счастье, как поток, меня несло привольно.
Я целый мир забыл, чтобы невольно не вспомнить о былом,
Я полон, я полон, был тобой.
Промчался быстро сон! Настало пробужденье:
Где молодость? Увы!
Где мощь, краса и сила?
В горячке сна безумного виденья?

Все лживо? Даже то, даже то, что ты меня, что ты меня любила» [6, л. 2–5].

Из опубликованных писем Л.В. Собинова видно, что он часто обедает в доме у Карабчевских [7, т. 1, с. 227, 426, 500], когда бывает в Петербурге. Поэтому не вызывает удивления «благотворительный, хотя и негласный концерт» [8, т. 1, с. 501] великого тенора в доме 45 на Знаменской улице [9, т. 1, с. 502].

В 1910-х гг. Леонид Витальевич перемещается из Златоглавой на берега Невы. 6 января 1911 г. Л.В. Собинов пышно и торжественно отметил 20-ю годовщину сценической деятельности в зале Дворянского собрания в Санкт-Петербурге. Леонид Витальевич в первой части вечера поразовал своих поклонников исполнением любимых партий и романсов: речитатив и ария Эрнесто из оперы «Дон Паскуале» Г. Доницетти, «Любовная песнь Зигмунда» из оперы «Валькирия» и «Прощание Лозэнгина» Р. Вагнера, романсы Вильгельма из оперы А. Тома «Миньон», «Грузинская песнь» М.А. Балакирева, романсы и трио для тенора, виолончели и фортепьяно Ю.С. Сахновского и многое другое. Во втором отделении состоялось собственно чествование самого юбиляра. От имени всех собравшихся поздравительное слово произнес не кто иной, как Н.П. Карабчевский [10, с. 170].

Между двумя приятелями, по всей видимости, были очень теплые, истинно дружеские взаимоотношения. Иногда они были не против обменяться остротами, в том числе и на публике. Из воспоминаний Е.И. Тиме о вечере по случаю премьеры оперы «Орфей» [11]: Н.П. Карабчевский, произнося обычный на первый взгляд поздравительный тост, шутливо закончил его: «Дорогой Ленечка, твое исполнение сегодня, конечно, выше всяких похвал. Но центральная ария меня несколько разочаровала. Ты без конца твердил: “Потерял я Эвридику, потерял я Эвридику...” Знаешь, брат, в конце концов это показалось мне скучноватым» [12, с. 46]. Но Леонид Витальевич так же шуткой ответил на замечание: «Видишь ли, – сказал он, – на днях, когда мы с тобой выходили из ресторана, ты обронил в гардеробе двугривенный. Ты долго возился на полу и все приговаривал: “Потерял я двугривенный, потерял я двугривенный...” Так ведь у меня-то Эвридика, а тут всего-навсего двугривенный. Согласись, что это действительно могло показаться скучным...» [13].

Объединяла Н.П. Карабчевского и Л.В. Собинова не только любовь к искусству, но и... принадлежность к адвокатскому сословию. 27 мая 1915 г. решением Петербургского совета присяжных поверенных Леонид Витальевич Собинов был принят в адвокатское сословие, и ему подавали специальный значок, который, кстати сказать, он с гордостью носил.

Николай Платонович поддержал друга в сложный период его жизни – в период тяжбы с дирекцией Императорских театров, о чем Л.В. Собинов просит «дорогого Николая Платоновича» в письме от 11 (24) сентября 1915 г. [14, л. 1].

Вместе отмечались и семейные торжества: чета Карабчевских была среди приглашенных 14 октября 1915 г. на скромном бракосочетании Леонида Витальевича с Ниной Ивановной Мухиной. Свадебный обед в кругу самых близких петербургских друзей пары проходил в ресторане «Медведь» на Большой Конюшенной, 2 [15, с. 214].

Однако с течением времени отношения между Николаем Платоновичем и Леонидом Витальевичем, по всей видимости, испортились. В написанных в 1918 г. в Копенгагене воспоминаниях Н.П. Карабчевский описывает своего, видимо уже бывшего, «друга» следующими нелестными словами: «Скандалный пример уклонения от своего долга повелся у нас еще с Японской войны, когда знаменитый сладкопевец-тенор Собинов, облачившись в больничный колпак и халат, прикидывался некоторое время не то сумасшедшим, не то нервно расстроенным, чтобы избежать отправления на фронт. В последнюю войну, нося офицерскую форму, в которой его рекламно воспроектировали в иллюстрированных журналах как “призванного” жертвовать жизнью “за Царя и Отечество”, тот же сладкопевец преспокойно распевал в театрах и умирал в роли Ленского почти так же реально, как умирали в это время на поле брани» [16, с. 24–25].

Л.В. Собинов, как и прежде, в долгу не остался и написал эпиграмму по поводу возможного назначения Н.П. Карабчевского посланником во Францию:

«Кто под арест,
Кто в Красный Крест,
А кто посол,
И ты не прочь,
В Париж, хоть вскочь,
Попасть, осел!» [17, с. 133].

Что же стало причиной столь очевидных неприязненных отношений? Вряд ли это уклонение Л.В. Собинова от воинского долга, да и обвинять великого певца в подобном нет оснований. Но обо всем по порядку.

В 1904 г. Леонид Витальевич получает повестку с требованием явиться на призывной пункт. В печати появились публикации, в которых настойчиво заявлялось о необходимости призвать Л.В. Собинова в ряды действующей армии и немедленно отправить его на фронт. И дело было не в том, что певец стал плохо петь или разонравился публике. Весной 1904 г. у Л.В. Собинова заканчивался контракт с дирекцией Императорских театров, дающий официальную отсрочку от военной службы, а новый контракт не был подписан из-за демократических взглядов певца. Но в дело, как это часто бывает, вмешался его величество случай. В середине 1904 г. министром внутренних дел был назначен П.Д. Святополк-Мирский, так как В.К. Плеве был убит эсерами. Контракт с «Ла Скала», а также личное знакомство с новым министром позволили Л.В. Собинову получить отсрочку на год [18, с. 89–90].

Однако уже 8 июля 1905 г. Л.В. Собинов все-таки был призван на службу в Главное управление военно-учебных заведений. Ему был присвоен чин поручика и в скором времени столь ценный кадр был отправлен... в отпуск.

Первая мировая война стала серьезным испытанием для страны, могла пригодиться любая помощь. Великого тенора призвали на службу уже в августе 1914 г., приписав к Московскому военному округу. Однако уже в декабре этого года он был переведен в Петербург и приписан к так называемому комитету Мраморного дворца, который занимался сбором пожертвований на нужды фронта. Для Леонида Витальевича становится очевидным, что значительно большую пользу он сможет принести своим голосом, чем в штабе или с оружием в руках на фронте, поэтому уже с апреля 1915 г. получает специальное разрешение от военного министра на проведение в пользу армии благотворительных концертов. В итоге всего за один сезон 1915/16 г. Л.В. Собинов собрал и передал в казну на нужды армии 200 тыс. р. Леонид Витальевич решил не ограничиваться этим и открыл в своей московской квартире лазарет на восемь коек с полным обеспечением больных [19, с. 211–212]. Как видно из всего вышесказанного, знаменитый певец с завидной честностью исполнил свой гражданский долг по защите страны в период военных испытаний.

Эпиграмма Н.П. Карабчевского, приведенная выше, была написана значительно позже описываемых событий, лишь в 1918 г., уже в эмиграции, поэтому вполне возможно предположить, что между приятелями пробежала «черная кошка» под именем революционные события 1917 г., так как восприняли их эти два великих человека по-разному.

Л.В. Собинов относился к революционным событиям 1917 г. с очевидным воодушевлением. В воспоминаниях Татьяны Львовны Щепкиной-Куперник следующим образом описывается восприятие революционных событий Л.В. Собиновым: «По середине Невского проспекта шел

Собинов. На нем была военная форма, которую он носил как офицер запаса, а грудь украшал красный бант. Собинов шагал, высоко подняв голову, и пел “Рабочую Марсельезу”:

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног!
Нам не надо златого кумира,
Ненавистен нам царский чертог...

За Собиновым, чеканя шаг в такт песне, шли студенты, рабочие, много молодежи. Они несли цветы, красные флаги. Как только певец заканчивал куплет, идущие за ним люди молодыми голосами подхватывали припев:

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Иди на врага, люд голодный...» [20, с. 219].

Октябрьская революция был хорошо принята Л.В. Собиновым, так же как и новая власть. А вот что касается Николая Платоновича, то он, мягко сказать, очень прохладно отнесся к Февральской революции, а переворот октября 1917 г. не воспринял вовсе.

События 1917 г. стали переломным этапом не только в истории страны, но и в судьбах многих людей. К этому моменту времени у Николая Платоновича было все, о чем можно мечтать: признание в профессии и обществе, материальное благосостояние, хорошая семья. Но история кардинально все изменила и внесла свои коррективы.

Новогодние каникулы 1916–1917 гг. Н.П. Карабчевский провел на фронте, удостоверился лично в боевом духе армии, после вернулся в Северную столицу, где с огромным удовольствием окупился в повседневную жизнь. 7 февраля 1917 г. Ольга Львовна, большая поклонница всего итальянского и Италии в целом, устраивает пышный званый обед в честь итальянской военной делегации, гостившей в Петрограде. По мнению гостей, война должна завершиться к лету поражением Германии [21, с. 113].

Однако предчувствия, настроения и атмосфера в столице были самыми мрачными.

26 февраля (11 марта) 1917 г., в самый канун революции, в Императорском театре с большим успехом и размахом прошел юбилейный бенефис драматического артиста Юрия Михайловича Юрьева. Ставили «Маскарад» М.Ю. Лермонтова в постановке В.Э. Мейерхольда, декорации были созданы художником А.Я. Головиным.

На следующий день, несмотря на предупреждение о возможной стрельбе на улицах города, чета Карабчевских отправилась в Мариинский театр. Поход в театр удался, хотя публики было значительно меньше – напряжение витало в воздухе.

Дальнейшие революционные события стали развиваться стремительно: «В какие-нибудь три дня Петроград стал неузнаваемым. Это была уже не щеголеватая когда-то столица, а базарная, загрязненная площадь, на которой отныне должна была пойти бойкая торговля судьбами России» [22, с. 118].

3 марта в доме Н.П. Карабчевского прошло полуофициальное заседание Совета присяжных поверенных Петербургской судебной палаты. Инициатором собрания выступал Александр Федорович Керенский, занявший во Временном правительстве пост министра юстиции. Из воспоминаний ученика Н.П. Карабчевского Б.С. Утевского Николай Платонович был не в восторге от подобных изменений: «Боже мой, до чего мы дожили! Керенский – министр...» [23, с. 202–203]. На собрании распределялись места в «керенском министерстве». Н.П. Карабчевскому сам Керенский предложил место сенатора уголовного кассационного департамента, но Николай Платонович предпочел «остаться тем, кто он есть, – адвокатом» [24, с. 121]. Тем не менее Н.П. Карабчевский принял назначение на должность «председателя чрезвычайной комиссии по расследованию германских зверств и нарушений правил и обычаев ведения войны». Для исполнения этих обязанностей летом 1917 г. Н.П. Карабчевский отправляется в Скандинавские страны с целью проведения опроса бывших военнопленных относительно условий их пребывания в плену. К сожалению, Николай Платонович больше так и не вернулся на Родину, так как принять октябрьские события было выше его сил.

Таким образом, интересным является сам факт дружеских отношений между Леонидом Витальевичем Собиновым и Николаем Платоновичем Карабчевским. Также их пример еще раз иллюстрирует те глубокие изменения, происшедшие в России в 1917 г., когда политические обстоятельства не только разделили всю страну на два лагеря, но и отразились на жизни конкретных людей.

Ссылки и примечания:

1. Слюозберг Г.Б. Дела минувших дней. Записки русского еврея. Париж, 1933. С. 73.
2. РГАЛИ (Рос. гос. арх. лит. и искусства). Ф. 2247 (А.С. Вознесенский). Оп. 1. № 39. Л. 93.

3. Леонид Витальевич Собинов : в 2 т. М., 1970. Т. 1: Письма. Т. 2: Статьи, речи, высказывания. Письма к Л.В. Собинову. Воспоминания о Л.В. Собинове.
4. РГАЛИ. Ф. 864 (Л.В. Собинов). Оп. 1. № 531. Л. 1.
5. Музыкальный отдел РГБ.
6. Там же. Л. 2–5.
7. Леонид Витальевич Собинов. Т. 1. С. 227, 426, 500.
8. Там же. С. 501.
9. Там же. С. 502.
10. Поплавский Г.В. Собинов в Петербурге – Петрограде – Ленинграде. Л., 1990. С. 170.
11. Премьера «Орфея и Эвридики» К. Глюка состоялась в Мариинском театре 21 декабря 1911 г.
12. Тиме Е.И. Дороги искусства. М. ; Л., 1962. С. 46.
13. Там же.
14. РГАЛИ. Ф. 864 (Л.В. Собинов). Оп. 1. № 260. Л. 1.
15. Поплавский Г.В. Указ. соч. С. 214.
16. Карабчевский Н.П. Что глаза мои видели. Ч. 2. Берлин, 1925. С. 24–25.
17. Троицкий Н.А. Корифеи российской адвокатуры. М., 2006. С. 133.
18. Поплавский Г.В. Указ. соч. С. 89–90.
19. Там же. С. 211–212.
20. Там же. С. 219.
21. Карабчевский Н.П. Указ. соч. С. 113.
22. Там же. С. 118.
23. Утевский Б.С. Воспоминания юриста. М., 1989. С. 202–203.
24. Карабчевский Н.П. Указ. соч. С. 121.

References:

- Karabchevsky, NP 1925, *What my eyes saw*, part 2, Berlin, pp. 24-25, (in Russian).
- Leonid Vitalievich Sobinov: in 2 vols., 1970, Moscow, vol. 1: *Letters*, vol. 2: *Articles, speeches, statements. Letters to the LV Sobinov. Memories of the LV Sobinov*, (in Russian).
- Poplavsky, GV 1990, *Sobinov in Petersburg - Petrograd – Leningrad*, Leningrad, p. 170, (in Russian).
- Sliozberg, GB 1933, *Cause of bygone days. Notes of a Russian Jew*, Paris, p. 73, (in Russian).
- Tim, EI 1962, *Art Road*, Moscow, Leningrad, p. 46, (in Russian).
- Troitsky, NA 2006, *Maestros Russia Advocacy*, Moscow, p. 133, (in Russian).
- Utevsky, BS 1989, *Memoirs of a lawyer*, Moscow, pp. 202-203, (in Russian).